

Лилит Матевосян

ОСТРОВ, ОКРУЖЕННЫЙ СУШЕЙ

2023–2024

Художественное исследование Лилит Матевосян «Остров, окруженный сушей», начатое в 2023 году при поддержке программы «Полевые исследования» Музея современного искусства «Гараж», посвящено фольклору автохтонных народов Северо-Западного Кавказа. Опираясь на широкий корпус литературных источников — от травелогов иностранных путешественников XIX века и воспоминаний офицеров — участников Кавказской войны (1817–1864) до современных публикаций о географии, этнографии и истории Черкесии и Абхазии, а также материалы из собственных исследовательских экспедиций, художница стремится проследить взаимосвязи между персонажами мифологии, литературными образами и историческими событиями на этой территории. В этом материале художница делится результатами первых этапов своего исследования — историями жителей адыгских аулов, собранными ею во время поездок.

История моего детства — это череда переездов, связанных с развалом СССР и политическими проблемами на Южном Кавказе в конце 80-х и начале 90-х годов. Жить у моря было давней мечтой моих родителей. В 1998 году мы переехали в Сочи и обрели дом. Интересоваться значением названия этого южного города я начала значительно позже. Сталинская архитектура величественных санаториев, блистающий китч девяностых, пепелящий и шумный летний сезон — «социалистический рай» окутал нас своими дурманящими объятиями. Но эти места как будто всегда что-то скрывали от нас за стенами гор, просторами реликтовых лесов и на глубине Черного моря. Сложно было вообразить, сколько трагических историй хранилось за культивируемым образом курорта.

В рамках проекта «Курортное дело» (2021) я собирала архивные фотографии и истории переселенцев, чьи семьи оказались на Черноморском побережье после окончания Кавказской войны в 1864 году и начала колонизации этих земель. На опустевшие земли переселяли крестьян из центральных российских губерний, бежавших из Османской империи понтийских греков и амшенских армян, а также эстонцев, молдаван и др. Осваивать Черноморское побережье стали при помощи продажи на льготных условиях больших участков земли купцам и дворянству. После революции и с приходом советской власти Сочи получил новое назначение, и вместе с этим менялись смыслы вокруг него: из буржуазного города он стремительно превращался в «курорт для трудящихся». Наравне с масштабным строительством необходимой инфраструктуры для отдыха и лечения проектировались парки, которые полностью меняли ландшафт города. Таким образом пальмы, кипарисы и платаны стали интродуцентами — «чужаки» приспособились к жизни в субтропическом климате и превратились в главный сюжет туристических открыток. Исторические «раскопки» и работа с памятью места в рамках проекта «Курортное дело» привели меня к новому исследованию — изучению трудов об автохтонных народах, которые населяли территорию нынешнего Большого Сочи. Бытха, Аибга, Мзымта, Ажек, Мацеста,

Аше — черкесские названия гор, рек и населенных пунктов — одно из немногих напоминаний о прошлом, так мало известном новым обитателям. В книге Беллы Агрба и Самира Хотко «“Островная” цивилизация Черкесии» страна адыгов описывается как культура, спрятавшаяся когда-то от посторонних глаз за природной крепостью. Поэтичный образ «острова, окруженного сушей» отображал и мое ощущение места, рисовал что-то неуловимое, неприступное и потерянное. Начало работы над исследованием совпало с моим новым статусом — я стала мамой. Что я расскажу своему сыну о городе, в котором он родился? Что я сама знаю об этих местах? В марте 2023 года мы с мужем и ребенком поехали в первые экспедиции в Лазаревский и Туапсинский районы, чтобы познакомиться с жителями шапсугских аулов.

«Каждый человек должен знать историю места, в котором живет», — сказал мне в одном из интервью Мурдин Тешев, девяностотрехлетний старейшина аула Шхафит. Не знаю, получится ли у нас когда-нибудь узнать хотя бы часть того, что знает этот мудрый человек, но мы решили попробовать. Как далеко под слоями новых смыслов может быть спрятана история? И как она может звучать сейчас?

На протяжении своей многовековой истории черкесы жили вдоль Кавказского хребта и Черноморского побережья. Стратегически важное географическое положение между Европой и Азией делало эти земли и их жителей частыми участниками военных конфликтов. По итогам Кавказской войны (1817–1864) сотни тысяч черкесов были выселены в Османскую империю. Оставшиеся подчинились Российской империи и переселились на болотистые равнины Прикубанья. Но еще несколько тысяч человек превратились в призраков на земле предков — они скрывались от поисковых отрядов в горах в течение нескольких лет. Позже им было разрешено расселиться в долинах рек Аше, Шахэ, Псеуапсе и Агой на расстоянии не ближе десяти километров от Черного моря. Так в конце XIX века образовались аулы, в которых сегодня проживают представители одного из субэтносов адыгов (черкесов) — шапсуги.

Мурдин Тешев
93 года (род. 22 апреля 1930)

Старейшина долины реки Аше, общественный и политический деятель, музыкант. Ветеран Великой Отечественной войны. Заслуженный артист Республики Адыгеи. Почетный председатель общественной организации «Адыге Хасе», которая занимается сохранением и развитием культуры Причерноморских шапсугов. Один из основателей общественной организации и газеты «Шапсугия». В 2023 году семья Мурдина открыла этнографический центр «Аше» в ауле Шафит.

Мои предки и я родились в ауле Большое Псеушко Туапсинского района. Мать и отец были колхозниками. Отец участвовал в войне, грамоте научился самостоятельно во время ликвидации безграмотности в 1925–1930 годы. Он наследовал кровь дедушки, мог бы жить долго, но во время войны попал в плен. Как только над ним не издевались, вплоть до того, что его впрягали в телегу вместо лошади. А после войны бывших пленных не пускали домой: еще 7 лет он был в городе Прокопьевске и работал на шахте. В 1952 году только вернулся. Моим воспитателем и учителем был дед. Он имел 7 гектаров земли и очень любил сад. По наследству мне это перешло. Многие культуры, которые он уважал, сейчас есть в моем огороде. В основном это грецкий орех, фундук, яблоки, груши — сорта, которыми занимались еще наши предки-адыги. Яблок и груш в то время было очень много. В конце июня уже груши и яблоки ранние кушали! А в декабре поздние яблоки — снег падает, а они еще висят. Так наши предки растили сад «растянутый» — фрукты у нас были круглый год. Потом в амбарах фрукты закрывали сеном и всю зиму ими питались. Вот почему они долго жили и не болели. Адыги очень уважительно относились к дубу. В Турции нет нормальной адыгской семьи в селе, у которой дуба нет возле дома. Дуб считался самым долгожителем из деревьев, целебным, могучим. Дерево боярышника считалось божественным. Даже в старину во время

встречи Нового года 7–8 веток наряжали как елку. Мой дед, когда поставил, выращивал грецкие орехи во дворе, а под деревом всегда стояла его койка. Он постоянно деревянные ложки делал из самшита, поварешки, старикам и старухам палки стариковские — и кто к нему в гости приходит, дарил их.

Шичепшин (адыгский народный струнный смычковый инструмент) считается самым элитным, самым старым в адыгском мире. На нем сейчас играет мало людей. Я овладел игрой на шичепшине примерно в 1943 году. Война идет, молодежь скучает в тылу, а у меня скрипка осталась от отца. Я вообще не подходил, не знал, как играть. А потом меня стали просить: «Научись играть!» Научился. Ноты не знал, все на слух. Один раз услышу — уже играл. Никто меня не учил, я самостоятельно. Видимо, данные были.

Сейчас говорить об адыгах надо только в прошлом. В настоящем адыги очень много потеряли из того, что было. Матери, отцу, тем более деду, бабушке никогда не перечили. Я не слышал, чтобы наш отец громко разговаривал, он разговаривает с нами наравне: что нужно делать, как нужно делать. И мама тоже. Нас воспитывали в духе преданности.

Тюльпановое дерево
Головинка, Лазаревский район, 2023

Мадин Хушт
56 лет (род. 1967)

Окончил Воронежскую лесотехническую академию. Пенсионер МВД.
Занимается сбором информации по истории причерноморских адыгов.

После высадки русского десанта в устье реки Шахэ в 1839 году и основания форта Головинский царскими войсками стали проводиться карательные экспедиции по уничтожению шапсугов и убыхов. Подавляющее количество боеспособных мужчин моего народа к тому времени уже погибло в попытках остановить экспансию империи. Прадед Кельмэт родился в 1835 году. Всего в семье было четыре брата и сестра. Мой прапрадед Лэустэн собрал семью, и еще с двумя уцелевшими шапсугами они совершили переселение из долины Шахэ на 35 км в горную часть за хребтом Аутль. Место это называется Хакуч. Предположительно до 1870-х годов в районе Хакуч под постоянным давлением со стороны российских войск и всевозможных наемников проживало несколько десятков шапсугов и единично примкнувших к ним солдат из русской армии. После возведения крепости в верховьях реки Псезуапсе, в непосредственной близости от урочища Хакуч, оставаться на этих территориях стало невозможным. Мои прапрадед и прапрабабушка были похоронены в Хакуч. Теперь там буково-пихтовые леса и ничто не напоминает о тех событиях. Прадед Кельмэт с братьями и сестрой-подростком, скитаясь в поисках пищи по горам, переместились ближе к долине Шахэ. Братья еще были в состоянии как-то двигаться, но сестра была истощена от голода, и ее спрятали. В этот день карательная экспедиция в составе казаков-наемников продвигалась

к этому месту, которое сейчас называется «33 водопада». Они поймали девушку. С того дня она исчезла. От нее осталась красная веревочка от одежды, которая хранится у родственников.

Прадед своим ходом добрался до Турции, на обещанную новую родину. Увидев там массовую гибель адыгов в лагерях от голода, болезней и продажу детей, он вернулся назад, взяв с собой мальчика, родоначальника ветви одного из шапсугских родов, ныне живущих на побережье. Мальчик был истощен, и пришлось Кельмэту оставить его у бедных турецких крестьян на время, чтобы потом вернуться и забрать. Прадед отблагодарил семью, приютившую мальчика, несколькими деталями от скромного серебряного пояса с кинжалом. Через год с небольшим Кельмэт снова побывал в Турции, и тогда он забрал мальчика и вернул на родину, где уже не осталось адыгов. Затем все выжившие, в том числе и мой прадед, были помещены в охраняемый лагерь, всего около 250 человек. Сейчас это место называется Лесное, недалеко от поселка Голицыно по дороге на Красную Поляну. Затем, по решению царя, шапсугов пощадили и в назидание другим непокорным народам расселили под надзором казаков и бывших наемников в двух долинах Аше и Шахэ. Ныне это Хаджико и Кичмай.

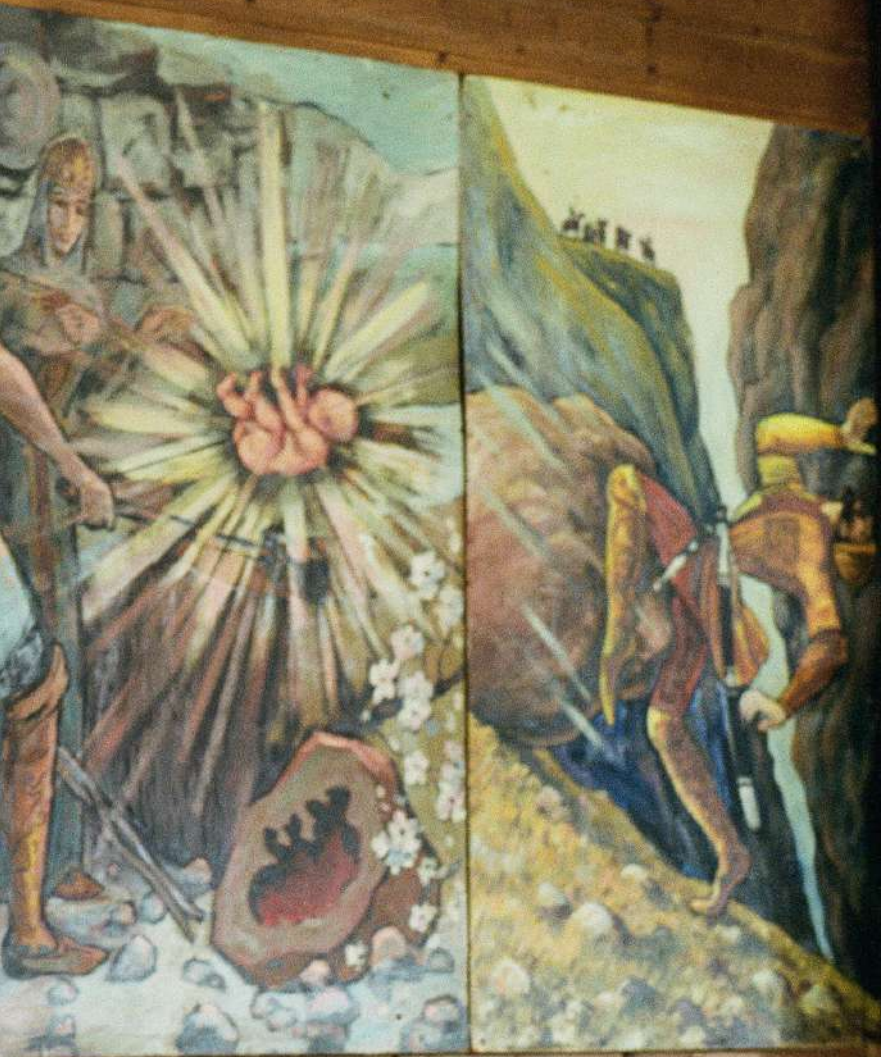
Прошли годы, большевики свергли царя, и шапсуги были одними из первых в числе поддержавших советскую власть. У Кельмэта родилось 4 сына, все они ушли защищать родину в годы Великой Отечественной войны. Вернулся только один, ставший инвалидом от ранений. Мой дед Рамазан погиб без вести на Керченской переправе. Подавляющее большинство потомков причерноморских шапсугов, выживших в Кавказской войне, погибло в годы Великой Отечественной войны, и только те дети, которые родились до 1941 года, стали продолжателями рода шапсугов. Тем и объясняется малочисленность причерноморских адыгов. Судьба моего народа похожа на судьбу реликтового дерева самшит. Самшит был уничтожен вредителем на 99% на всем ареале его распространения, но семена самшита могут храниться в грунте более десятилетия, и, когда умирают взрослые деревья, просыпаются семена и вырастают молодые подростки, но подросток ждет незавидная участь, вредитель никуда не ушел, он съест их до того, как они смогут дать новые семена.

Сегодня никто из причерноморских адыгов не владеет гончарным ремеслом, никто не работает с железом в кузнице, разведение скота прекращено, практически все промыслы, ремесла и знания, скопившиеся народом в течение тысячелетий, утеряны. Почти вся молодежь не знает языка. Наш язык, наш диалект невозможно выучить

взрослому человеку. Язык может быть передан только матерью в младенческом возрасте. Еще полпоколения — и язык наш умрет.

Культ священных деревьев наиболее развит у горно-лесных, причерноморских адыгов. Священное дерево может быть разных видов (чаще дуб черешчатый, грецкий орех, груша). Деревья располагались на удобных для сбора людей местах, за деревьями ухаживали. Рубить или пилить эти деревья было нельзя. Если оно падало от старости, то его не трогали, оно разлагалось естественным образом. Места рядом с деревьями являлись общественными местами для проведения ритуалов: прошения у бога Тха (верховный бог в религии адыгов, творец всего сущего и происходящего. — прим. *Лилит Матевосян*), сбора народа, решения насущных задач и пр. Теперь культ священных деревьев остался в самой простой, элементарной форме. Он исполняется женщинами, возносящими мольбы о своих жизненных интересах. Священные дубы остались в Наджиги, Тхагапш, недалеко от Агуй-Шапсуг и в горах района Верхний Кичмай.

Х. С. Сизо (Чунтыжева) читает молитву в ауле Хаджико. Июнь, 1995
Автор фотографии: Тамара Чунтыжева

«Побег бабушки» (ныоежьэжь). Свадьба. Туапсинский район, 1998
Автор фотографии: Тамара Чунтыжева

Тамара Чунтыжева
77 лет (род. 1946)

Кандидат педагогических наук. Автор книг «Свадебно-обрядовая культура Причерноморских адыгов как этнопедагогическая ценность» и «Обрядовая культура Причерноморских адыгов. Рождение и воспитание».

В Туапсинском районе в ауле Большое Псеушко родилась моя мать — Хаджет Салиховне Сизо. На тот момент ее семья была самой большой в Причерноморской Шапсугии — 17 детей, правда, от 2 жен. Они жили исключительно в здоровой атмосфере, очень любили друг друга. Дружная большая трудолюбивая семья была. Работали на поле, выращивали все необходимые продукты. Мужчины пасли овец и занимались пчеловодством. Дед не любил, когда кто-то бездельничал, поэтому они с раннего утра были заняты делом. Даже столетний отец моей матери занимался садом — обеспечивал семью фруктами. Настал 1933 год, семью моей матери сделали кулаками. Деду назначили смертную казнь за политическую статью — он якобы хотел совершить государственный переворот. А потом подумали, как может человек, не владеющий грамотой, письмом, толком не говорящий по-русски, организовать переворот. Ему дали 17 лет и отправили в ссылку на Южный Урал. Остальных братьев посадили в тюрьму. Старших сестер моей матери не тронули — они успели выйти замуж и шли уже под другой фамилией. У оставшихся женщин и детей отняли все. Они оставались в одних платьях. Их на время переселили в старенький домик на краю аула, который забрали у другой адыгской семьи. Они не были против колхоза — добровольно вошли туда еще в 1930 году, но их даже спрашивать не стали.

Моей матери было тогда 18 лет. Ее признали главой раскулаченной семьи. Она осталась с двумя пожилыми женщинами, с младшими братьями и сестрами. Примерно два года они еще жили в ауле. Новая власть ставила перед ними невыполнимые задачи. Был назначен план по сбору каштана, но нашей семье запрещали ходить в лес и общаться с аульчанами. Старшие замужние сестры втайне собирали для них ночью каштан. Потом было выселение в Казахстан, куда они добирались целый месяц. Целый месяц они провели в дороге до Казахстана. Измученных, их высыпали из поезда в степи, где под присмотром охраны нужно было построить для себя саманные дома. Мама даже на улице ходила в рабочем фартуке, под ним торчала вата уже изношенной фуфайки. Достать лоскуток, чтобы подшить дырки, было непросто. Я родилась в Казахстане в 1946 году. Мой отец был из Ингушетии, тоже репрессированный. Они не имели права на переселение. Мама начала подрабатывать парикмахером и откладывать деньги. Она мечтала снова оказаться на Кавказе. В 1948 году мама смогла получить паспорт, и мы вернулись на родные земли, ничего в Казахстане нас не держало. Все пятнадцать лет ссылки мама вспоминала своего деда и его рассказы про быт и культуру адыгов. Она росла в этой атмосфере и с малых лет видела все обряды. Мама читала Коран, знала все его переводы, делала намаз. До самой своей смерти мама проводила молебны и священные обряды в ауле Хаджико. Она была великолепным знатоком адыгского фольклора.

Свадьба.
Аул Псебе, Туапсинский район, 2023

Саида Шагуджева.
Аул Наджиго, Лазаревский район, 2023

Наби Коблев
60 лет (род. 1963)

Окончил Челябинский политехнический институт. Инженер-конструктор.
Работает учителем физики в ауле Калез.

Сейчас я работаю над книгой, для которой собираю адыгские топонимы по Черноморскому побережью. Очень многое искажено. В планах издать несколько трудов. Я уже собрал много материала про флору и фауну, записал родословные наших аулов и отдельно собираю адыгские имена. Не скажу, что я силен в топонимике как в науке, но я хорошо знаю наш регион и свой родной язык. Прodelана большая работа по изучению местности — поездки по аулам, встречи и разговоры с аульчанами. Например, по нашему ущелью у меня зафиксировано около 70 фамилий. Аул Калез чаще всего переводят как «кал/кале» с тюркского — крепость, но здесь никогда не было крепостей. «К/ке» — это могила, «ле» — много могил, «же» — древних могил. Только в нашем ауле было около 100 дольменов — их в 1933 году на блоки разобрали для строительства ШКМ — школы крестьянской молодежи. Потом землетрясение было, бомбежка во время войны. Дольмены были разрушены. На том склоне есть остатки 7–8 дольменов. Отец нас с братьями часто водил в лес. Он рассказывал про названия склонов и гор — я все это записывал. А студентом начертил свою карту реки Аше, на которой отметил названия. Ко мне приезжают из Адыгеи, Кабарды, Питера — интересуются моим исследованием.

В детстве я участвовал в обрядах, сейчас уже нет. Летом, когда засуха была, шли на речку — обливались

водой. Звали как можно больше людей на это мероприятие. Если будешь мимо проходить — и тебя могут бросить в воду. Женщины молились, потом всех угощали специально приготовленными лепешками на воде без соли. Нужно было, чтобы каждый участник попробовал, поэтому делили на дольки. Иногда резали какую-нибудь живность, молились и раздавали куски мяса. Сейчас тоже бывает делают, хотя уже чуть по-другому.

Все зависит от нас. Если мы не дадим знания нашим детям, ничего не будет. Я давно хочу организовать в нашем Доме культуры классы для занятий с детьми. Можно их собирать и показывать, где жили их предки. В течение 10 лет мы могли бы собрать книжку: растения на латыни, на русском, на адыгском. Давайте будем искать у бабушек, у тетушек, кто знает. Всё зафиксируем — школа издаст свою книжечку. И у них язык будет подвязан.

Я не мусульманин, не христианин, хотя нам, адыгам, в разные времена пробовали вводить и то, и другое. На адыгском языке всевышнего зовут «Тха» — и я в Тха верю. Я утром встаю, уезжаю в Краснодар, в неделю 2–3 раза: пока отсюда до Аше доезжаю, все время молюсь на своем языке, чтобы дорога была прямая, чтобы цели я достиг, чтобы дома все проснулись живы-здоровы, чтобы вернулся живой-здоровый, чтобы в ауле ничего не произошло.

За помощь в исследовании для проекта «Остров, окруженный сушей» художница благодарит: Алия Алалло, Дамира Ачоха, Айдамира Басте, Дарью Бобренко, Диану Гончарову, Юрия Дудина, Ксению Жукову, Наталью Карпун, Кристину Клемешеву, Наби Коблева, Михаила Кудина, Марину Курашинову, Наталью Локтеву, Юлию Набережную, Мадину Паштову, Оксану Полякову, Владимира Пшенокова, Марину Романову, Екатерину Савченко, Мурдина Тешева, Сафет, Шамсет и Марию Тешевых, Аису Тлиф, Булата Халилова, Руслана и Сарет Хейшхо, Мадина Хушта, Тамару Чунтыжеву, Виталия Штыбина, Аучес и Валида Шхалаховых, Батмиза Шхалахова, семьи Ачмизовых из аула Псебе и Терешевых из аула Наджиго, сотрудников Домов культуры села Цыпка, аулов Агуй-Шапсуг и Малое Псеушхо, всех жителей Туапсинского и Лазаревского районов, кто открыл двери в свой дом, делился литературой и поддерживал на пути создания проекта, а также телеграм-канал «Адыгэ Хэку», подкаст «Шыблэ» (Ислама Сапиева и Гунэф Едыдж) и журнал SCAPP.

Отдельная благодарность моим спутникам во всех экспедициях — мужу Андрею Кузнецову и сыну Наири Кузнецову.

